

Лапина Наталья Геннадьевна

студентка

ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

г. Москва

DOI 10.21661/r-112747

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕХОДА ВАНА КОДЖОНА В РОССИЙСКУЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКУЮ МИССИЮ

Аннотация: как отмечает автор, в конце XIX в. в условиях обострения борьбы капиталистических держав за влияние в Корее и нестабильности внутриполитической обстановки ван Коджон вместе с наследником престола укрылся на территории российской дипломатической миссии в Сеуле, откуда стал осуществлять управление государством. В статье приводится анализ событий, предшествовавших переходу корейского правителя в российское дипломатическое представительство, а также предпринимается попытка оценки этого происшествия и выявления его влияния на российско-корейские отношения.

Ключевые слова: Россия, Корея, дипломатические отношения, дипломатия, российско-корейские отношения, японо-китайская война, Коджон.

8 октября 1895 г. случился один из самых драматичных эпизодов в истории Кореи: во дворце Кёнбоккун в Сеуле японский посланник в Корее Миура Горо убил супругу вана Коджона королеву Мин. В тот же день под давлением японцев ван Коджон подписал указ о передаче исполнительной власти кабинету министров и распорядился заменить дворцовую охрану отрядами хуллёндэ, в которых службу несли корейские солдаты, обученные японскими инструкторами. Фактически, с этого момента корейский правитель оказался заложником японцев. Опасаясь за свою жизнь, он вместе с наследником и частью двора тайно покинул дворец и укрылся в российской дипломатической миссии в Сеуле. В отсутствие

государственного переворота или иностранного вторжения глава государства бежал на территорию иностранного посольства – поистине уникальный случай. Какова же предыстория этого события, и какое влияние на российско-корейские отношения оно оказало? Для ответа на эти вопросы, прежде всего, обратимся к анализу обстановки вокруг Кореи в конце XIX в.

Ещё в 80-х гг. XIX в. между Китаем и Японией обострилась борьба за влияние в Корее. Китай всеми силами стремился сохранить Корею в качестве своего вассала. В то же время Япония, вынашивающая планы превращения в сильную державу, соперничающую с другими империалистическими странами, желала взять Корею под собственный контроль. Поддержку в своих замыслах Япония нашла в лице Англии и США, которые рассматривали её в качестве противовеса России в регионе.

Крестьянское восстание 1893–1895 гг., руководимое тайным обществом «Тонхак», создало благоприятные условия для осуществления Японией её планов. Для подавления восстания по просьбе властей Кореи в страну были введены китайские и японские войска. 25 июля 1894 г., воспользовавшись ситуацией, Япония неожиданно напала на китайские гарнизоны. Уже 31 июля Китай официально объявил о разрыве дипломатических отношений с Японией и начале крупномасштабной войны.

Цели сторон в японо-китайской войне 1894–1895 гг. были прямо противоположными. Китай не стремился аннексировать Корею, однако желал сохранить своё влияние на Корейском полуострове и пытался предотвратить попадание Кореи под власть любого другого государства. Для Японии подобные намерения Китая были неприемлемы. Японские власти, утвердившись в Корее, надеялись предотвратить захват Корейского полуострова враждебными силами и тем самым обеспечить Японии относительную безопасность. К тому же Япония была заинтересована в экономической экспансии, однако для осуществления подобных замыслов нужно было вытеснить из Кореи Китай.

С начала войны японцы, по всей видимости, чувствовали себя хозяевами положения. Они назначали на руководящие должности в Корее покорных им людей, без одобрения корейского вана проводили унижающие национальное достоинство корейцев реформы. Ими вводились и прогрессивные законы, например, о наказании преступников только с санкции суда, о выдвижении на должности вне зависимости от сословия, о запрете ранних браков и т. д. Но корейцы воспринимали такие нововведения негативно, поскольку они навязывались враждебными силами и шли вразрез с веками устоявшимися традициями [5].

Подписание Симонесекского мирного договора 17 апреля 1895 г. ознаменовало окончание японо-китайской войны. Согласно тексту договора, Китай отказывался от традиционного покровительства над Кореей и, таким образом, она становилась независимой. Япония же претендовала на получение Ляодунского полуострова. Против таких намерений японских властей 23 апреля 1895 г. твёрдо выступила Россия при поддержке Франции и Германии, и Японии пришлось отказаться от своих притязаний [6].

Отказ Японии от Ляодуна произвёл сильнейшее впечатление на Корею. Стало ясно, что в мире есть сила, способная противостоять могущественной Японии, и эта сила – Россия. Постепенно позиции прояпонской группировки при корейском дворе стали слабеть. На смену ей пришла прорусская группировка во главе с Ли Бом Джином, Пак Чон Яном и Ли Юн Еном, провозгласившая новый политический курс: «Ближе к России, подальше от Японии». Главным инициатором этого курса была супруга вана Коджона королева Мин. При её деятельном участии противники Японии, ориентировавшиеся на Россию, сместили с государственных постов чиновников, помогавших Японии в годы японо-китайской войны, и заменили их прорусски настроенными лицами [3, с. 220].

С приходом к власти прорусской группировки в политике Кореи всё ярче стали проявляться тенденции сближения с Россией. Так, с мая 1895 г. участились встречи вана Коджона с российским поверенным в делах в Сеуле К.И. Вебером, который стал близким другом корейского короля. Ван Коджон даже лично писал российскому императору Николаю II письма с просьбами оставить К.И. Вебера

в Сеуле на своей должности, когда российское Министерство иностранных дел сочло необходимым заменить К.И. Вебера А.Н. Шпайером, сторонником более сдержанного курса в корейской политике. В августе 1895 г. последовало приглашение во дворец постоянных иностранных наблюдателей, в числе которых был русский подданный, дворянин Афанасий Иванович Середин-Сабатин. По сообщению Д. Покотилова, директора русско-китайского банка в Пекине, «король в своем русофильстве дошел до того, что выразил желание, чтобы команды в армии давались по-русски» [6]. Дружественное отношение к России со стороны простых корейцев отмечал подполковник генерального штаба Альфтан, который посетил Корею в 1895–1896 гг.: «...Почти в каждом селении верст на сто от нашей границы можно встретить корейцев, говорящих по-русски. Все они при встрече с нами радостно кричали: «Здравствуй, капитана!» В этом приветствии сказывалась гордость, что он умеет здороваться по-русски и искреннее доброжелательство по отношению к нам» [6].

Усиление позиций прорусской группировки при дворе нарушило планы Японии, которая стремилась единолично утвердиться в Корее. Основной виновницей сложившегося неблагоприятного для них положения японцы посчитали королеву Мин, и потому заговорщики под руководством Миура Горо 8 октября 1895 г. убили её и сожгли тело предположительно на территории Кёнбоккуна. С этого времени ван Коджон стал пленником в собственном дворце. На помочь ему пришла прорусская группировка, члены которой намеревались вызволить вана из японского плена, сломить прояпонский режим и создать новое правительство.

2 февраля 1896 г. ван Коджон в секретной записке обратился к российскому дипломатическому корпусу в Сеуле. В ней он излагал своё намерение вместе с наследником престола искать убежища в российской дипломатической миссии. Дипломаты К.И. Вебер и А.П. Шпайер, прочитавшие записку и взвесившие все плюсы и минусы такого рискованного предприятия, решили всё-таки одобрить задуманный ваном Коджоном план и помочь с его практической реализацией,

так как они «были совершенно убеждены в том, что для Короля не было никакого другого выхода из его многотрудного положения» [1].

Получив ответ от российских дипломатов, ван Коджон поблагодарил их за готовность помочь и стал ежедневно информировать их о ходе подготовки к побегу из дворца. Он смог найти двух верных человек из дворцовой прислуги, которые взялись за пошив простой одежды для беглецов и разработку деталей бегства. Планировалось, что ван Коджон прибудет в российскую миссию 8 февраля 1896 г., но из-за беспокойства вана по поводу недостаточной охраны миссии побег пришлось перенести на 11 февраля.

План побега удался. Ранним утром 11 февраля ван с наследником престола благополучно прибыли на территорию российской миссии в Сеуле в закрытых женских носилках. Новость о переходе вана с наследником престола в российскую миссию была передана всем дипломатам иностранных государств, находящимся в Сеуле. Уже будучи в российской миссии ван Коджон опубликовал указ о распуске прояпонского кабинета министров и о формировании нового. Все лояльные японскому режиму лица лишились своих постов. Вскоре последовал указ об отмене запрета на традиционные прически мужчин, одежду и другие привычные для корейцев вещи, которые были объявлены японцами вне закона. Кроме того, ван выступил с воззваниями к народу, в которых изложил причины побега и призвал население сохранять спокойствие и порядок. Описывая события тех дней, А.Н. Шпайер говорил: «Мирный переворот, произведенный Королем при нравственной поддержке Императорской Миссии, можно считать таким образом безусловно и благополучно удавшимся» [1].

14 февраля 1896 г. ван Коджон обратился к К.И. Веберу с просьбой передать в Петербург информацию о том, что он надеется установить с Россией тесные связи и готов всецело довериться российскому правительству. Он также выражал надежду на то, что Россия назначит главного советника корейского правительства и окажет содействие в формировании военного корпуса составом до 3000 солдат [6].

Переход корейского вана в российскую дипломатическую миссию вызвал резко негативную реакцию не только Японии, но и Англии, Германии и США, которым усиление позиций России в регионе было крайне невыгодно. Для разрешения напряженной ситуации вокруг Кореи российское правительство решило пойти на заключение российско-японского соглашения.

Первый меморандум между Россией и Японией был подписан в Сеуле 14 мая 1896 г. Согласно тексту документа, было решено сократить численность японских войск в Корее до четырех рот, причем численность каждой из них не должна была превышать 200 человек. Россия, в свою очередь, намеревалась держать в Корее стражу для охраны дипломатической миссии в Сеуле и консульств, которая должна была располагаться в тех же местностях, где и японские военные, и быть равна им численно. Российские стражи, как и японские военные, должны были быть выведены с территории полуострова, как только там наладится обстановка [4, с. 291].

Подлинным же успехом российской дипломатии считается подписание 9 июня 1896 г. московского соглашения между Россией и Японией о Корее, которое установило юридическое равенство сторон вместо прежнего господства Японии [4, с. 295–296].

Находясь в российской миссии в Сеуле, ван Коджон надеялся использовать помощь России в интересах Кореи. Подходящий момент для осуществления его замыслов был предоставлен 26 мая 1896 г. В этот день должна была состояться коронация Николая II, и на это мероприятие из Кореи отправилось специальное посольство во главе с Мин Ен Хваном – полномочным послом Кореи в России, племянником королевы Мин. После торжеств были запланированы переговоры корейской стороны с правительством России, в ходе которых предполагалось обсудить ряд важных для Кореи вопросов. По итогам переговоров было решено удовлетворить личные просьбы вана Коджона и Мин Ен Хвана и отправить в Корею русских военных инструкторов. Военные для создания охранной стражи корейского вана прибыли в Корею в августе 1896 г., а вскоре после этого был

создан специальный «русский» батальон, обученный по российским стандартам военного дела.

Ван Коджон проживал в российской миссии в период с 11 февраля 1896 г. по 20 февраля 1897 г. В это время России была представлена уникальная возможность взять всю полноту власти в стране в свои руки. Тем не менее, Россия, уважавшая интересы Кореи и во главу угла ставящая принцип сохранения статус-кво на Корейском полуострове в любых международных условиях, не воспользовалась этим шансом. Российские дипломаты не стремились вмешиваться во внутриполитический курс Кореи и предоставили вану Коджону и корейскому правительству возможность самостоятельно управлять государством.

Переход вана Коджона в российскую дипломатическую миссию – поистине событие исторического масштаба. Пребывание корейского правителя на территории российского дипломатического представительства способствовало ослаблению влияния Японии в Корее и привело к падению японского военно-оккупационного режима. Влияние России в Корее в это время многократно усилилось, а российско-корейские отношения находились на пике расцвета.

При содействии российского дипломатического корпуса шла реконструкция разрушенной во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. инфраструктуры, проводились мероприятия по налаживанию эффективной системы государственного управления и укреплению позиций Кореи на международной арене. Немалую помощь в этих начинаниях оказывали российские специалисты. Например, главным советником корейского министерства финансов в ноябре 1897 г. стал К.А. Алексеев. В декабре того же года был основан Русско-Корейский банк. И, наконец, самое главное – в Корею были отправлены русские военные инструкторы.

Активно развивались контакты России и Кореи в сфере культуры. В 1897 г. в Императорском Санкт-Петербургском университете на факультете Восточных языков впервые в России началось преподавание корейского языка. В Корее же, в свою очередь, была открыта русская школа под руководством Н.Н. Бирюкова.

Как считает кореевед С.О. Курбанов, одним же из главных свидетельств положительного влияния России на Корею является тот факт, что 12 октября 1897 г., в период расцвета российско-корейских отношений, ван Коджон принял титул императора – впервые в истории Кореи. Одновременно с этим утвержденное китайским императором название страны «Чосон» («Утренняя Свежесть», кор. 조선) вышло из употребления и было заменено на «Тэхан Чегук» («Великая Империя Хан», кор. 대한제국). Переименование государства свидетельствовало о независимости Кореи, возрастании её силы и влияния в мире [2].

Почему же ван Коджон в качестве укрытия выбрал именно российскую дипломатическую миссию? Представляется, что такое решение корейского правителя было обусловлено его высоким доверием и расположением к России, что было возможно ввиду проведения российскими властями дружественной политики в Корее. Это выгодным образом выделяло Россию на фоне других капиталистических государств, которые неоднократно демонстрировали агрессивное, захватническое поведение в отношении Кореи. Россия же неизменно осуждала попытки проведения колониальной политики в Корее и настаивала науважительном отношении к ней со стороны всех стран мира.

Список литературы

1. Донесение посланника России в Сеуле А.Н. Шпейера в МИД России о пребывании корейского короля в российской миссии от 30 января 1896 г. // АВПРИ, ф. Японский стол, д. 5, л. 25–31 об., рус. яз., подлинник.
2. Курбанов С.О. Россия и Корея в конце XIX – начале XX века // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, Н.А. Самойлов. – СПб.: СПБГУ; Студия НП-Принт, 2011. – С. 337–358.
3. Пак Б.Д. Россия и Корея. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 520 с.
4. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Под ред. Е.А. Адамова, сост. И.В. Козьменко. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. – 464 с.

5. Симбирцева Т.М. Убийство во дворце Кёнбоккун / Т.М. Симбирцева // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.orient.rsl.ru/assets/files/food/text/2004/2004_3_18/2004_3_simbirzewa_g.pdf

6. Тягай Г.Д. Король Коджон в русской миссии: (Из истории русско-корейских отношений) // Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – №3. – С. 118–124.